

Берсенева Татьяна Павловна

ИСИХАСТСКО-СИНЕРГИЙНОЕ ЯДРО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье сделана попытка объяснить единство русской культуры, исходя из положений ядерно-сферической концепции, согласно которой в культуре существует ядро, заключающее в себе наиболее устойчивые, вневременные характеристики и качества. Высказана мысль, что в русской культуре таким ядром было православие, а "ядром ядра" – православная мистико-аскетическая традиция исихазма с его главным принципом синергии. Выделены этапы наиболее полного воплощения исихастско-синергийного "ядерного" идеала в русской культуре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 16-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье сделана попытка объяснить единство русской культуры, исходя из положений ядерно-сферической концепции, согласно которой в культуре существует ядро, заключающее в себе наиболее устойчивые, вневременные характеристики и качества. Высказана мысль, что в русской культуре таким ядром было православие, а «ядром ядра» – православная мистико-аскетическая традиция исихазма с его главным принципом синергии. Выделены этапы наиболее полного воплощения исихастско-синергийного «ядерного» идеала в русской культуре.

Ключевые слова и фразы: исихазм; синергия; русская культура; ядро культуры; исихастско-синергийное ядро; пики русской культуры.

Берсенева Татьяна Павловна, к. филос. н.

*Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск
taniabers@list.ru*

ИСИХАСТСКО-СИНЕРГИЙНОЕ ЯДРО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ®

Русский народ часто обвиняют в беспамятстве, упрекают в том, что он не умеет извлекать уроки из собственного прошлого. С этим можно спорить, можно соглашаться, но одно не вызывает сомнения: изучение истории отечественной культуры, усилия, направленные на ее постижение, могут дать современному человеку надежный ориентир для самореализации, для самоопределения. Русская культура остается открытой для осмысления и переосмысления в связи с противоречивыми общественными процессами конца XX – начала XXI века, многовекторным духовным развитием современной цивилизации. Поэтому проблемы, связанные с возникновением, существованием и развитием русской культуры, находятся в центре внимания современной философии.

Сегодня существует множество теорий, в которых по-разному раскрываются фундаментальные характеристики и закономерности развития русской культуры. Но, несмотря на разнообразие концепций, почти все ученые сходятся в одном, признавая дискретный и катастрофичный характер развития русской культуры. Недаром Н. А. Бердяев писал, что «для русской истории характерна прерывность», и выделял в ней «пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская» [1, с. 15]. Современный ученый-филолог И. В. Кондаков выделяет еще периоды крещения Руси, религиозного раскола, осуществления крестьянской реформы и Октябрьской революции 1917 года [4, с. 18].

Однако, несмотря на прерывистость, дискретность и катастрофичность, русская история и русская культура на всех этапах своего развития сохраняли вполне определенное единство, делавшее, условно говоря, «пять разных Россией» историческими фазами одной развивающейся России. Как же образуется это единство, благодаря которому русская культура существует как уникальное, неповторимое и узнаваемое явление на протяжении всего своего многовекового развития? Задачей данной статьи является попытка объяснить единство русской культуры, исходя из положений ядерно-сферической концепции, активно разрабатываемой сейчас Н. В. Поддубным [6].

В соответствии с данной концепцией культура рассматривается как двойственное в структурном плане образование, состоящее из хорошо структурированного ядра и относительно слабо структурированной периферии. Ядро представляет собой узловую элемент системы, образуя квинтэссенцию всех имеющих существенное значение системных связей и отношений. Периферия – сфера, на которую распространяется упорядочивающее влияние ядра. Эту мысль поддерживает Д. В. Пивоваров, выделяя в культуре «твердое ядро» и так называемый «защитный пояс» [5, с. 13]. Ядро культуры концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного культурного целого. Главная функция ядра культуры – сохранение и передача самоидентичности социума, поэтому оно обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью. Структурами, в которых реализуется ядро культуры, являются фольклор, мифология, религиозные представления, предрассудки, национальные и социальные обычаи, привычки, правила бытового поведения, исторические традиции, обряды, основные языковые структуры. Если ядро культуры исчезает, растворяется или изменяется под воздействием тех или иных причин, то соответственно исчезает, растворяется или изменяется сама культура.

Разные подходы к пониманию культуры в целом предполагают разное «наполнение» этого ядра, но в любом случае одно остается неизменным – в роли «твердого ядра» принимаются «предельные ценности, т.е. идеалы, субъективно оцениваемые людьми как нечто безусловно исходное и совершенное» [Там же, с. 16]. Такие «предельные ценности» задают человеку высший смысл жизни, для культуры же они являются целью и направлением развития. Как пишет Д. В. Пивоваров, «ядерными» идеалами, например, европейских культур «в разные эпохи поочередно выступали: космос (античность), человек (Ренессанс), государство (Новое время), природа (первая половина XIX – первая половина XX в.), текст (постмодерн второй половины XX века), интертекст (конец XX – начало XXI в.)» [Там же].

Представляется, что для русской культуры таким ядром была религия, православная вера. Мало того, многие историки и философы считают, что история всей русской культуры началась только после принятия Русью христианства от Византии, и дата крещения Руси стала, таким образом, начальной точкой отсчета национального культурно-исторического развития России. Как совершенно справедливо пишет С. С. Хоружий, «Древняя Русь приняла из Греции христианство. ...религия служила стержнем, формообразующей основой всего национально-го бытия. «Русь» и «Православие» стали для русского сознания восприниматься почти как синонимы» [8].

«Вторым по значению духовным вкладом, духовным импульсом» [Там же], тоже пришедшим из Византии, был переход в Россию исихастской традиции. Исихастская школа, исихастский тип христианской аскезы «удивительно пришлись и привились» на Руси, найдя здесь вторую родину. И если православие было ядром русского национального бытия, то «исихастский подвиг, «умное делание», как выразился бы о. Павел Флоренский, ядром ядра» [Там же]. Исихастские представления о назначении человека, о нравственных устоях и ценностях глубоко вошли в русское сознание, образовали там «стержень русского религиозного мирозерцания» [Там же]. Исходя из этого, можно предположить, что нормы, правила, принципы исихазма, ставшие «ядерными» идеалами, распространившиеся на всю культуру в целом, и создали то определенное единство русской культуры, о котором ставился вопрос выше. И хотя уже в богословии XVII века с трудом обнаруживаются элементы, свидетельствующие о сохранении исихастских представлений о человеке и его пути к Богу, для культуры это влияние оказалось, на наш взгляд, настолько значимым, что в преображенной форме главные принципы этой традиции могут быть обнаружены практически в любую эпоху у различных художников и мыслителей.

Основным понятием в теории и практике исихазма является понятие синергии. В своих работах рассмотрев возникновение и развитие этой категории в теологии [3], отметим, что в самом общем виде синергия трактуется как ««еоработничество» человека и Бога в реализации Божия замысла о спасении мира и человека, взаимодействие божественной благодати и человеческой свободы» [7]. Процесс достижения синергии аскеты-подвижники сравнивают с образом лестницы – «лествицы», высшей ступенью, целью которой является достижение состояния «обожения», когда после трудной мучительной борьбы с самим собой и обстоятельствами человек соединяет свои энергии с нетварными Божественными энергиями и становится «Богом по благодати».

Здесь следует отметить тот факт, что любая национальная культура заимствует только те элементы чужих культур, к восприятию которых она уже подготовлена всем ходом своего предшествующего развития. Значит, исихастско-синергичная парадигма была близка русскому национальному характеру, русской душе. Если западное христианство считает, что Бог постигаем только рациональным усилием, а монашеская дисциплина и творение «Иисусовой молитвы» (молитва, повторяемая аскетами-исихастами постоянно и звучащая как «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня, грешного») является лишь невежественным суеверием, то для монашеского исихастского движения было очевидно, что Бог достигаем в процессе мистического синергичного соединения человеческих энергий с нетварной Божественной энергией. В процесс осуществления синергии вовлекается весь человек как цельное существо, все его телесные, душевные и духовные силы. Такую «умнепостижимость» синергии для западного рационального ума можно сопоставить с «умнепостижимостью» России (вспомним у Ф. И. Тютчева: «Умом Россию не понять...»). Действительно, мистицизм исихазма удивительно «подходил» загадочной русской душе.

Естественно, процесс распространения идеалов исихастско-синергичного ядра в русской культуре не отличался стабильностью и постоянством. Как известно, русская культура в своем развитии также имела определенные пики и спады. Позволим себе предположить, что идеалы исихастско-синергичного ядра, с одной стороны, обеспечивали устойчивые, вневременные характеристики и качества русской культуры, с другой стороны, достигая на определенных этапах наиболее полного своего воплощения, способствовали появлению своеобразных пиков в развитии русской культуры. Исходя из этого, в развитии русской культуры условно можно выделить несколько таких этапов-пиков, когда наиболее ярко проявились черты исихастско-синергичного ядра.

В XIV-XV веках исихастское влияние буквально пропитало все стороны русской духовной и культурной жизни. Им обусловлен расцвет русского монашества: именно в это время возникла русская Фиваида. Исихастами были Сергей Радонежский, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский. Исихазм оказал воздействие не только на содержание, но и на стиль, форму искусства той эпохи – литературы, иконописи, духовного пения. Об этом красноречиво свидетельствуют иконы и фрески Феофана Грека и Андрея Рублева, недаром это время называют золотым веком русской иконописи.

Важнейшую роль в распространении исихастско-синергичных ядерных идеалов сыграло «Добротолубие» – капитальный свод текстов исихастской традиции, созданный во второй половине XVIII века греческими подвижниками. Почти одновременно Паисием Величковским проводилась основательная работа по созданию русского «Добротолубия». Вскоре сложился влиятельный очаг исихастской традиции в центральной России – знаменитая Оптиная пустынь. Продолжая дело преподобного Паисия, оптинские подвижники занимались переводами аскетической и святоотеческой литературы. Особо следует отметить деятельность Игнатия Брянчанинова, подвижника, исследователя исихастского метода и опыта, глубокого мистика и аскетического писателя. Последнее капитальное пятитомное издание русского «Добротолубия», которое используется и сегодня, отобранное, переведенное и снабженное пояснительными сведениями, вышло уже под руководством святителя Феофана Затворника, крупнейшего русского учителя исихастской традиции. Так определился следующий этап наиболее полного воплощения исихастско-синергичного ядерного идеала. Вершинами этого этапа, по мысли игумена Иоанна (Экономцева), стали не только Паисий Величковский, Сергей Радонежский, Феофан Затворник, Тихон Задонский, но и «грандиозные фигуры Серафима Саровского и поэтического гения России Александра Пушкина» [9, с 191].

Серафим Саровский и А. С. Пушкин, будучи современниками, никогда не встречались друг с другом: «Это два полюса нашей духовной жизни» [Там же]. Но проводить между ними непроходимую грань, относить их к несопоставимым мирам было бы неверным. Н. А. Бердяев, отдавая дань и тому, и другому, пришел к выводу, с которым трудно не согласиться: «...гениальность Пушкина... перед Богом равна святости Серафима...» [2]. Здесь же хочется сослаться на слова игумена Иоанна (Экономцева), который пишет, что творчество Пушкина религиозно не потому, что у него есть глубокие религиозные произведения, но потому, что истинное творчество по своей природе не может не быть религиозным [9, с 191].

В творчестве И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского также чувствуется сильное влияние исихастско-синергического ядра. Как совершенно справедливо замечает С. С. Хоружий, XIX век – «время блестящего расцвета русской культуры, и в некоторых своих тенденциях, некоторых фигурах, эта культура испытывала влияние сферы православного подвига и обращалась к этой сфере в своей творческой и осмысливающей работе» [8]. Распространение «ядерного» идеала на этом этапе проявляется, в частности, в осмыслении славнофилами древнейшей темы традиции, которая образно была названа «монастырь в миру». Эта формула означала, что главные установки православного подвига, начиная с глобальной цели – идеала «обожения», признавались универсальными, имеющими общечеловеческий смысл. Живущим в «миру» надлежало так же относиться к вещам и людям, создавать у себя тот же духовно-душевный настрой и стремиться к восхождению по тем же духовным ступеням, как все это совершается подвижниками в монашеском состоянии. «Отшельничество среди общества», «общественное отшельничество» – называл такой путь К. С. Аксаков. Претворяя этот путь в жизнь, Киреевские, например, связали свою жизнь с Оптиной пустыней: бывали регулярно в обители, пользовались наставничеством и переписывались со старцем Макарием Оптинским, переводили духовную литературу.

«Протагонистами этого периода» Экономцев называет старца Амвросия и Ф. М. Достоевского. Если Серафим Саровский и А. С. Пушкин никогда не встречались, то Ф. М. Достоевский сам приходил к Амвросию: «Происходит памятная историческая встреча, лицом к лицу, исихазма и русской светской культуры. Психологизм Достоевского, его углубление в подполье сознания и, наконец, его вызов, брошенный Канту, имеют исихастскую предысторию» [9, с. 192]. Ф. М. Достоевский также развивал тему «монастыря в миру»: одной из главных целей романа «Братья Карамазовы» было создание образа «русского инока» – такого человеческого типа (не столько наличного, сколько желаемого и ожидаемого), который сочетал бы в себе исихастский строй внутренней жизни, труд стяжания благодати с жизнью в «миру», с мирскими заботами и тревогами.

Пик, волна следующего этапа распространения исихастско-синергического «ядерного» идеала в развитии русской культуры «зарождается сразу же, как спадает гребень предшествующей волны» [Там же]. События истории XX века, разумеется, оборвали продвижение русского исихастско-синергического влияния. Вопрос о том, насколько русская культура начала прошлого века связана с исихазмом и вообще с православной традицией, является одним из наиболее сложных. Одно бесспорно – возвращение исихазму его истинной роли ядра и стержня православной духовности произошло усилиями ряда замечательных ученых русской эмиграции: В. Н. Лосского, Г. Флоровского, архиепископа Василия (Кривошеина), И. Мейендорфа и других.

На наш взгляд, этот этап исихастско-синергического развития, приходящийся на серебряный век русской культуры, определяется не аутентичным воспроизведением исихастских методик и постановкой традиционных исихастских вопросов, а признанием высокого статуса русской религиозной философии. Несмотря на то, что порой утверждается вторичный, эпигонский характер русской философии по отношению к западноевропейской, анализ русской религиозной философии первой половины XX века позволяет сделать вывод, что исихастские традиции оказываются не менее глубокими, чем западноевропейские. Исихастское присутствие в русской религиозно-философской мысли не является демонстративным, легко идентифицируемым, а имеет скрытый, глубинный характер. Оно прослеживается в выборе проблем (характер связей Бога и мира, энергичность божественного присутствия в мире, назначение человека к соединению с Богом, «целостность» человека и его ответственность за судьбу мироздания); в терминологии, более близкой к богословской, чем к философской (энергетизм, христокентризм, фаворский свет, фаворское преображение); в особенностях типа философствования и философских методов (мистическая интуиция, личное религиозное переживание, собственный опыт в познании). Можно сказать, что русская религиозная философия первой половины XX века утверждалась в статусе самобытного направления в европейской философии благодаря своеобразному синтезу и преломлению идей исихастско-синергического ядра и идей западноевропейской философии.

Таким образом, в статье сделана попытка объяснить единство русской культуры, исходя из положений ядерно-сферической концепции, согласно которой в культуре существует ядро, заключающее в себе наиболее устойчивые, вневременные характеристики и качества. В русской культуре таким ядром было православие, а «ядром ядра» – православная мистико-аскетическая традиция исихазма с его главным принципом синергии. Введение концепта исихастско-синергического ядра, предоставляющего большие эвристические и эпистемологические возможности для изучения русской культуры, позволило нам выделить определенные пики в развитии русской культуры, для которых характерно наиболее полное воплощение идеалов исихастско-синергического ядра. Мы выделили три таких пика. Первый приходился на XIV-XV века и связан с деятельностью святых Сергия Радонежского, Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, живописцев Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия. Второй этап охватывал конец XVIII – конец XIX века. Это время Паисия Величковского, Тихона Задонского, Игнатия Брянчанинова. Именно в это время, названное золотым веком русской литературы, творили А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и другие гении русской культуры. Третий этап приходился на период серебряного века русской культуры и связан он,

прежде всего, с творчеством русских религиозных философов: В. Н. Лосского, Г. Флоровского, С. Булгакова, И. Ильина и других. Определение этих этапов-пиков позволило выявить объединяющую их общую исихастско-синергическую парадигму, имеющую непреходящее содержание, выраженную в некой глубокой и оригинальной форме описания бытия человека и мира, не ограниченную временными рамками.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание: сочинения. М.: Эксмо, 2005. 640 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/tvorch/> (дата обращения: 07.07.2013).
3. Берсенева Т. П. Синергия и мистика исихазма в контексте православного богословия // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 50-53.
4. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры: теоретический очерк: учебник. М.: Наука, 1994. 378 с.
5. Пивоваров Д. В. Синтетическая концепция культуры: проблема синтеза основных дефиниций культуры // Синтетическая парадигма в философии: избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 5-19.
6. Поддубный Н. В. Самоорганизующиеся системы: онтологический и методологический аспекты: дисс. ... д. филос. н. Ростов-на-Дону, 2000. 335 с.
7. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://mirslouvrei.com/content_fil/sinergija-5058.html#ixzz2PsOdOF70 (дата обращения: 07.07.2013).
8. Хоружий С. С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Hoguzhij/isihazm.html> (дата обращения: 07.07.2013).
9. Экономцев И. Н. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992. 233 с.

HESYCHASTIC-SYNERGETIC NUCLEUS OF THE RUSSIAN CULTURE

Berseneva Tat'yana Pavlovna, Ph. D. in Philosophy
Siberian State University of Physical Culture and Sport in Omsk
taniabers@list.ru

The author undertakes an attempt to explain the unity of the Russian culture basing on the regulations of the nuclear-spherical conception, according to which culture contains the nucleus, having the most stable, timeless characteristics and qualities, suggests the idea that Orthodoxy was such nucleus in the Russian culture, and the Orthodox mystical-ascetic tradition of Hesychasm with its main principle of synergy was “the core of the nucleus”, and reveals the stages of the most complete embodiment of the Hesychastic-synergetic “nuclear” ideal in the Russian culture.

Key words and phrases: Hesychasm; synergy; Russian culture; nucleus of culture; Hesychastic-synergetic nucleus; peaks of Russian culture.

УДК 34.01

Юридические науки

В статье автор выделяет и рассматривает основы и особенности законодательства, регулирующего научно-техническую деятельность. Проанализирован зарубежный опыт регулирования научно-технической деятельности и международные нормы в области прав человека, среди которых свобода научного творчества и право человека пользоваться достижениями научного прогресса. Показаны двухсторонние соглашения о сотрудничестве в научно-технической и инновационной сферах. Выявлены пробелы в законодательстве Российской Федерации и предложены пути их восполнения.

Ключевые слова и фразы: законодательство; научно-техническая деятельность; правовая система; инновационная деятельность.

Буренина Валентина Игоревна

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
asteriskv@rambler.ru

СИСТЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ[©]

В правовом регулировании научно-технической деятельности применяется множество правовых актов, образующих правовую систему законодательства, которая обеспечивает воздействие на общественные отношения.

Под системой понимается сложноорганизованное целое, включающее отдельные элементы, объединенные разнообразными связями и взаимоотношениями. Из этого следует, что система предполагает внутреннее строение, структуру, связь и дифференциацию, с другой стороны, система это единое целое, состоящее из упорядоченных по определенным законам или принципам элементов.